

Ф. В. Шелов-Коведяев

НОВЫЙ ДЕКРЕТ ИЗ ХЕРСОНЕСА

В июле 1978 г. во время раскопок в северо-восточном районе Херсонеса, проводившихся под руководством М. И. Золотарева, на третьей поперечной улице в позднеантичном слое был найден фрагмент стелы с остатками греческой надписи. В настоящее время он хранится в Государственном Херсонесском музее. В августе 1979 г. мы имели возможность ознакомиться с памятником и снять прорисовку с надписи, а впоследствии нам были присланы и фотографии¹.

Фрагмент стелы представляет собой обломок верхней части плиты проконесского мрамора, украшенной некогда фронтоном с акротериями. Ныне от него сохранились только средняя часть тимпана с изображением розетты и сильно испорченный сколами центральный акротерий (см. рис., вкл. стр. 33).

Лицевая поверхность плиты тщательно заглажена, наклонные плоскости фронтона аккуратно обтесаны. Тыльная же сторона обработана суммарно. Это свидетельствует о том, что стела не предназначалась для кругового обзора, так как в последнем случае детальной обработке подвергались все поверхности камня.

Общая высота всего фрагмента 0,245 м, максимальная ширина 0,21 м, толщина 0,117 м. Высота фронтона с акротерием (считая от поля надписи) 0,161 м, высота акротерия 0,052 м. Первоначально он имел округлую форму, утраченную к настоящему времени вследствие сколов. Но и древний мастер недостаточно тщательно следил за ее рисунком, поэтому левая сторона основания акротерия оказалась на 0,004 м ниже правой. В поле фронтона вырезан тимпан, заглубленный от поверхности плиты на 0,009 м. Его высота 0,103 м. В центре тимпана находится розетта, выполненная в виде двух концентрических круговых валиков. Поверхность тимпана и розетты в тех местах, где они не повреждены сколами, так же как и вся лицевая сторона плиты, тщательно заглажена. Фронтон не выделен над поверхностью плиты и составляет с ней единое целое.

В поле тимпана вырезана *bonae fortunae apprecatio*, от которой в настоящее время сохранились только пять (четыре целиком и одна частично) букв ее первого компонента [Α]γαθῆ. Она расположена на 0,02 м выше основания тимпана. Высота букв здесь 0,014—0,015 м. Ширина букв: *альфа* 0,013 м, *тета* 0,014 м. Расстояние между буквами 0,002—0,004 м.

На расстоянии 0,01 м ниже заглубленного основания тимпана, которое служит одновременно и верхней границей поля надписи, располагался текст документа. От него до нашего времени дошли обрывки первых трех строк надписи, в которых читаются 13 букв и восстанавливаются по от-

¹ Пользуемся возможностью принести глубокую благодарность М. И. Золотареву за любезно предоставленное нам право публикации надписи.

дельным штрихам еще 4 буквы. Строки были нанесены довольно тщательно, без линеек. Буквы вырезаны аккуратно и глубоко, но некоторые допускают колебания формы. Расстояние между строк — 0,01 м. Высота букв в первых двух строках 0,01 м, в стк. 3 одно слово либо весь текст были вырезаны крупнее, поэтому высота букв здесь та же, что и в *bonae fortunae aggregatio*, — 0,015 м. Ширина букв в сткк. 1—2: *ню* 0,012 м, *пи* 0,011—0,012 м, *эпсилон* 0,008—0,009 м, *альфа* 0,01 м, *лямбда* несколько уже 0,008—0,009 м, *сигма* 0,009 м, *тау* 0,01 м; в стк. 3: *сигма* 0,012 м, *омикрон* 0,014 м. Расстояние между буквами во всех строках 0,003—0,004 м.

В начале стк. 1 основного текста надписи четко читаются буквы ПАН. Левее *пи* расположена невидная на фотографии, но различимая на сколе камня вертикальная черта. Это буквосочетание может быть уверенно дополнено до [ε]ῖταν, что указывает на группу лиц или коллегия, внесших (внесшую) предложение о принятии декрета. Относительно более точной атрибуции памятника (был ли это проксенический или почетный декрет) можно высказывать только самые осторожные предположения. Но, как бы там ни было, мы располагаем, пусть и в сильно фрагментированном виде, важным официальным документом, заслуживающим самого пристального внимания.

На камне частично сохранились прескрипт декрета и, возможно, начало мотивировки. Известно, что преамбула являлась одной из важнейших частей декрета, ибо содержала в себе, как правило, формулу санкции, описание порядка принятия постановления и датировку. Прескрипты многих греческих городов разнятся в существенных деталях. Перемена прескрипта — переход на другую формулу — обычно свидетельствовала либо об усложнении процесса принятия декрета, либо об изменении даже полисной конституции. Отсюда ясно, сколь важно как можно точнее представить себе первоначальные размеры стелы и, соответственно, пропавшего текста. Для этого мы располагаем следующими исходными данными. Сохранилась центральная часть плиты, так что если нам удастся рассчитать половину ее ширины, то представить себе общую ширину будет уже нетрудно. Стелы, на которых фронтон не отделен от остального поля плиты, известны по всему греческому миру, и в частности в Причерноморье. Аналогии показывают, что на памятниках, подобных нашему, внешний угол фронтона, как правило, совпадает с краем плиты². Исключения составляют две стелы из Западного Понта, но обе они выполнены в иной манере и, как станет ясно ниже, значительно моложе нашего документа³. Исходя из этого, продлив линию левой наклонной плоскости фронтона и линию основания тимпана, мы реконструируем левый внешний угол фронтона, а вместе с ним и верхнюю точку левого края поля надписи. Ширина пропавшей части плиты для уровня основания тимпана составит тем самым $\approx 0,17$ м, половина ширины стелы по тому же основанию будет равна $\approx 0,248$ —0,25 м, а общая ширина — соответственно 0,496—0,5 м. Аналогичные расчеты для первой строки дают размер лакуны, равный $\approx 0,182$ м от левого края стелы. Образовавшаяся лакуна охватывает тем самым 12—13 мест. Таким образом, должно признать, что наш декрет начинался сразу с упоминания лиц или коллегии, внесших предложения, так как при указанной величине лакуны ни датировка, ни тем более формула санкции в нее не помещаются. Эти же соображения заставляют нас отказаться и от предположения, что инициатива принятия декрета исходила от двух лиц, ибо даже при самых коротких именах с патронимиками, соединенными союзом καί, они заняли бы место 23—27 букв, а не 12—13 (в число которых входит и восстанавливаемый нами *эпсилон* от εῖταν).

² См. IGBR, I², 110, 133, 163 bis, 164, 165, 166, 167, 171 bis, 172, 173, 174, 174 bis, 179, 188, 203, 204, 274, 354 quater; IOSPE, I², 454, 491.

³ IGBR, I², 12 bis, 110 bis.

Остается только одна возможность толкования — именно, что инициатива принятия декрета исходила от коллегии магистратов.

Надпись была сделана на дорийском диалекте, что явственно следует из *bonae fortunae apprecatio*. Это сужает круг поисков центра, из которого мог происходить этот декрет. Насколько нам известно, декреты только одного дорийского полиса на протяжении почти всего его существования начинались с упоминания коллегии, внесшей предложение, — самого Херсонеса, при раскопках которого и был найден наш фрагмент. В эллинистическую эпоху это были номофилаки, а начиная с эпохи правления императора Августа — проэдры⁴. О том, название какой именно из этих коллегий лучше всего заполняет лакуну, речь будет идти еще впереди. Сейчас важно как можно точнее датировать как саму стелу, так и нанесенную на нее надпись.

Известным датирующим признаком может служить само невыделенное фронтона над остальным полем плиты. К сожалению, все упомянутые нами выше стелы Западного Понта, собранные в Корпусе Г. Михайлова (см. прим. 2—3), никак им не датированы⁵. Однако рассмотрение палеографии надписей, а также общей манеры исполнения памятников, насколько возможно судить по фотографии, позволяет датировать их от рубежа II—I вв. до н. э. по I в. н. э. включительно. Лишь некоторые из них, по-видимому, выходят за эти хронологические рамки. Интересно, что два памятника, выполненные в близкой нашему декрету манере, были найдены и в Херсонесе. Они включены в Корпус В. В. Латышева (см. прим. 2). Так как в его время палеография надписей римской эпохи не была еще достаточно разработана, он датировал обе стелы суммарно «римским временем». Одна из них (IOSPE, I², 454) может быть датирована, на наш взгляд, началом I в. н. э. или даже концом I в. до н. э., вторая (IOSPE, I², 491) — II в. н. э. То, что все перечисленные нами надписи представляют собой надгробия, не должно нас смущать, так как декретов от этого времени дошло вообще немного. Так, например, в Западном Понте известны только четыре декрета I в. до н. э., из них только на трех достаточно полно сохранились фронтоны. В Ольвии декретов I в. до н. э. нет совсем, а херсонесские псефизмы этого времени⁶ сохранились без фронтонов. К тому же нас сейчас интересует только совершенно определенная тенденция художественного оформления памятников, которая была, по-видимому, единой для той или иной эпохи. Так, в более раннее время известны надгробия, в частности в Херсонесе, фронтоны которых ничем не отличаются от тех, что венчали официальные документы.

Полученная нами пока дата стелы (II/I вв. до н. э. — I в. н. э.) не может нас удовлетворить, так как охватывает слишком широкий отрезок времени. Датирующим материалом для самого памятника могут служить также и его украшения — розетта и акротерий. Близкие по схематическому стилю исполнения розетты украшали стелы в Западном и Северном Причерноморье⁷. Очень похожие изображения известны на надгробных херсонесских стелах (см. Э. И. Соломоник, НЭПХ, 1964, № 32; НЭПХ, 1973, № 144, 146, 148, 152, 153, 161, 178, 180), где они располагаются, однако, не в поле фронтона (как правило, имитирующего зубцы крепостной стены), а самой плиты. Располагаются они под надписью, по обеим сторонам изображения, ежели таковое имеется. Иногда розетты вырезались также на боковых и тыльной сторонах плиты. Все эти памятники датируются почти исключительно III в. до н. э. Надгробные стелы, украшенные

⁴ IOSPE, I², 354; см. *Латышев В. В.* Эпиграфические данные о государственном устройстве Херсонеса Таврического. — ЖМНП, 1884, июнь, с. 54; *Тюменев А. И.* В. В. Латышев и история Херсонеса. — СА, XXVIII, 1958, с. 18 сл.

⁵ См. описания к соответствующим номерам надписей.

⁶ IOSPE, I², 691, 354; возможно, также 355 (см. ниже); теперь к ним можно прибавить IOSPE, I², 347 + фр. 1978 г., подготавливаемый к публикации Ю. Г. Виноградовым.

⁷ IGBR, I², 155, 164, 172, 174, 198; IOSPE, I², 231, 491.

розеттами, были изданы и В. В. Латышевым (см. IOSPE, I², 465, 467, 481, 488, 505, 521). Датируются все они тем же временем, за исключением IOSPE, I², 465, которая относится к римскому периоду. Три розетки расположены в тимпане фронтона херсонесского надгробия IOSPE, I², 489. По характеру шрифта оно может быть датировано первой половиной I в. н. э. Можно предположить, что завершающим этапом развития мотива наших розетт явились начертанные на фронтоне одного ольвийского декрета II в. н. э. (IOSPE, I², 43) три concentрические круга. Правда, в одном месте В. В. Латышев называет их щитом (IOSPE, I², 231), но он же в комментарии к другой надписи (IOSPE, I², 491) точно такое же изображение, а Г. Михайлов очень близкое к нему (IGBR, I², 155) согласно именуют розеттой. Не беря на себя смелость высказать окончательное суждение по этому вопросу, заметим все же, что наше украшение по форме скорее приближается к розетке, ибо щит должен быть выпуклым, а в нашем случае мы имеем углубление между двумя concentрическими кольцами. Важнее же всего то, что большинство из аналогичных нашему изображений, украшающих фронтоны надписей, известны на причерноморских памятниках второй половины II—I в. до н. э.⁸, только два заходят в I в. н. э.⁹, и лишь один может быть датирован II в. н. э. (IOSPE, I², 491). В заключение заметим, что подобное нашему изображению розетты может быть истолковано и как соляренный знак.

Суженную таким образом до одного-полутора столетий дату еще более уточняют аналогии венчающего фронтон округлого акротерия. Подобные украшения встречаются на Западном Понте¹⁰ и на Боспоре¹¹. Памятники с территории Болгарии относятся ко II—I и концу I в. до н. э. А. И. Болтунова датирует боспорские стелы ближе к концу I в. до н. э. Совокупность рассмотренных признаков приводит нас к наиболее вероятной дате изготовления нашего памятника: вторая половина — конец I в. до н. э. В появлении на херсонесской стеле того типа акротерия, которым украшались в близкое время и боспорские памятники, можно было бы усмотреть влияние художественных вкусов Боспора, которому Херсонес, как известно, из одного декрета (IOSPE, I², 354) и сообщения Страбона (VII, 4, 3), был в это время подвластен.

Вырезанная на камне надпись дает идентичную только что полученной дату: *альфа* с ломаной перекладной и украшенная сверху вертикальной черточкой, *пи* с равными вертикалями и выходящей за их пределы горизонталью, *лямбда* с удлиненной правой частью, *омикрон*, равный по величине остальным буквам, *сигма* с горизонтальными усиками, крупная *тета* с не доходящей до краев окружности перекладной, широкое *ню* с равными вертикалями и соединяющей их противоположные концы перекладной, *эпсилон* с короткой средней горизонталью, а также общий стиль письма, допускающий известные колебания в начертании некоторых деталей отдельных букв (например, у *лямбды*), богатое апицирование — все особенности шрифта говорят о второй половине I в. до н. э. как о наиболее вероятной дате нанесения надписи.

Вернемся к восстановлению недостающего в первых трех строках текста. Это тем более важно, что поможет нам окончательно датировать надпись. Как мы определили выше, в начале первой строки от линии излома, уничтожившего левую половину документа, до края стелы оставалось место для 12—13 букв. Так как вырезать надпись начинали обычно несколько отступая от самого края плиты, а в число пропавших букв входят восстанавливаемый нами *эпсилон* и часть *йоты* от [ε]ϰαυ, то не-

⁸ IGBR, I², 155, 164, 172, 174.

⁹ IGBR, I², 198; IOSPE, I², 231.

¹⁰ IGBR, I², 78 bis, 395 quater.

¹¹ Болтунова А. И. Незданные надгробия из Керчи и окрестностей. — ВДИ, 1965, № 1, с. 97 сл.; она же. Незданные надгробия в фондах Керченского и Херсонесского музеев. — НЭ, IV, 1964, № 3, с. 96 сл., фото на с. 98.

занятыми остаются около 11 мест. Вторая половина I в. до н. э. была переломной для истории Херсонеса: в пределах этого полувека изменилась конституция города¹². Во всяком случае, на смену коллегии номофилаков, вносившей предложения о принятии декретов еще в 40-е годы I в. до н. э. (IOSPE, I², 691), приходит, по-видимому, в последней четверти этого столетия коллегия проэдров¹³. В связи с этим было бы крайне важно как можно точнее определить время издания нашего документа. Декреты эллинистического Херсонеса начинались следующим образом: Νομοφίλακες, далее шло бессоюзное перечисление трех (реже двух) номофилаков поименно с отчествами — και ὁ ἐπὶ τὰς διοικήσεως — его имя — εἶπαν· ἐπειδὴ + мотивировка. Все декреты римского времени начинаются стандартной формулой: Πρόεδροι Χερσονασιτῶν τῶν ποτὶ τῇ Ταυρικῇ εἶπαν· ἐπειδὴ + мотивировка. Вероятно, некоторыми колебаниями стиля, весьма обычными при переходе к новой формулировке, объясняется несколько иной порядок слов в прескрипте самого первого декрета, составленного по этому формуляру (IOSPE, I², 354): Οἱ Χερσονα[σιτῶν τῶν ποτὶ τῇ Ταυρικῇ πρόεδροι εἶ]παν. Наконец, ошибкой резчика объясняется пропуск члена τῶν после имени херсонеситов в декрете IOSPE, I², 357. Даже если предположить, что наш документ, созданный в период перехода к новой формулировке, содержал в себе еще не окончательно сложившийся вариант прескрипта, все равно πρόεδροι плохо заполняют образовавшуюся лауну, оставляя незаполненными 3—4 места, а πρόεδροι Χερσονασιτῶν переполняют ее на целых 9 букв. Нам представляется наиболее вероятным восстанавливать здесь Νομοφίλακες, что подходит как по времени, так и по количеству букв (11). Если это так, то надпись может быть датирована третьей четвертью I в. до н. э.

Начало стк. 1 восстанавливается тем самым как [Νομοφίλακες εἶ]παν, а число букв в ней (включая и следующие за *ню* буквы ΕΠ) равняется 18. Так как центральная ось стелы, делившая ее пополам, проходила через следующую за *ти* букву, уничтоженную идущим по правому краю сколом, и соответствовала положению вертикали *tau* в стк. 2, то можно предположить, что в целом стк. 1 вмещала в себя 38 букв, а лакуна, следующая за буквами ΕΠ, соответственно поглотила ≈ 19—20 букв. Величина лакуны в начале стк. 2 высчитывается аналогично тому, как это было осуществлено для стк. 1, и равняется 14 буквам. Так как в конце этой строки сохранилось на 2 буквы больше, чем в первой (следующее за *tau ро*, едва различимое на фото, хорошо читается при осмотре камня), то лакуна оказывается соответственно меньше и охватывает ≈ 18 букв. Подобные же вычисления (с учетом того, что буквы в стк. 3 занимают больше места) приводят нас к заключению, что в начале стк. 3 пропало 13 букв, а в конце ее — 16—18 букв.

В стк. 2 читается ΚΑΛΛΙΣΤΡ. Верхний усик *каппы* виден на краю излома в начале, *ο ро* было сказано выше. В стк. 3 перед хорошо видимыми на камне *омикроном* и *сигмой* сверху видна часть горизонтальной черты. В стк. 2 уверенно восстанавливается имя Каллистрат. В следующих в стк. 1 за [εἶ]παν буквах было бы заманчиво видеть начало мотивировки ἐπ[εὶδὴ κτλ.]. Чествуемый мог быть один, или их могло быть двое (и более). В первом случае в стк. 2 можно было бы восстанавливать имя деда чествуемого, что встречается в поздних декретах вообще, и в Херсонесе в част-

¹² См. Латышев. Ук. соч.; ср. Соломоник Э. И. Новые эпиграфические памятники Херсонеса. Киев, 1964 (далее — НЭПХ), № 3, с. 20.

¹³ Первый декрет, содержащий упоминание этой коллегии (IOSPE, I², 354), датируется 17—16 гг. до н. э., так как царица Динамия выступает в нем как единоличная правительница Боспора (см. комментарий В. В. Латышева к надписи). Скорее всего переход на новую формулу прескрипта связан с теми же событиями, которые повлекли за собой установление эры царствования Девы (об этом см. Кадеев В. И. Херсонес, Боспор и Рим. — ВДИ, 1979, № 2, с. 58; там же литература вопроса). Во всяком случае, все достаточно полно сохранившиеся декреты, внесенные проэдрами, датированы по годам царствования Девы.

ности (IOSPE, I², 357), тогда в конце ее и в начале следующей строки могла бы стоять одна из двух наиболее распространенных в позднеэллинистическое время формул начала мотивировки, а все восстановление выглядело бы следующим образом:

[Νομοφύλακες εἰ̄παν· ἐπ[εἰδὴ ὁ δεῖνα]
 [τοῦ δεῖνος τοῦ]Καλλίστ[ρατου ἀνὴρ καλὸς καὶ ἀγα-]
 [θὸς διὰ παν]τὸς[γρῆσιως (vel sim.)] ἑαυτὸν ἐπιδι[δοὺς κτλ.]¹⁴
 vel [προγόνων εὐεργετῶν]γεγονώς καὶ αὐ̄τὸς[βουλάμενος (vel sim.) κτλ.]¹⁵

Трудность здесь заключается, однако, в том, что на имя и патронимик чувствуемого в таком случае приходилось бы 27 букв, что слишком много, даже если предположить, что одно из имен у него могло быть римским, а Καλλίστρατ — его греческое имя¹⁶. Если же придерживаться той точки зрения, что чувствуемых было несколько, то лакуны в сткк. 1—2 заполняются лучше; но остается только гадать о содержании стк. 3.

Вместе с тем думается, что есть и еще одна возможность восстановления утраченного текста. Она основывается на том, что номофилаки ни в одной из сохранившихся херсонесских надписей не упоминаются просто как коллегия, но всегда перечисляются по именам. Удивительно было бы и отсутствие диойкета, который неукоснительно упоминается в каждом декрете номофилаков. Одновременно обращает на себя внимание и более крупный шрифт в стк. 3. Действительно, гораздо чаще мы сталкиваемся в надписях с обратным явлением, когда начальные строки вырезаются крупнее, а к концу, по мере расхода материала, они уменьшаются. Правда, известны и декреты с аналогичным нашему написанию текста¹⁷. В одном из них — ольвийском декрете в честь сыновей херсонесита Аполлония (НО 28) — это явление, возможно, не случайно, ибо шрифт укрупняется со сткк. 4—5, где начинают превозноситься заслуги самих сыновей, тогда как в предыдущем тексте кратко упомянуты заслуги отца, который был в свое время почтен особым декретом. Думается, что в этой связи можно вспомнить об одном херсонесском постановлении (IOSPE, I², 691), в котором более крупным шрифтом выделены первые три строки прескрипта, где перечисляют магистраты города — номофилаки и диойкет.

Как кажется, эти наблюдения позволяют выдвинуть предположение, что резчик ошибочно поставил слово εἰ̄παν сразу после Νομοφύλακες, в последующих строках расположил их имена, а стк. 3 занял титулом и именем диойкета — «стоящего во главе управления»¹⁸, вырезав их более крупным шрифтом. Восстанавливаемый текст первых трех строк надписи будет выглядеть в этом случае следующим образом:

[Νομοφύλακες εἰ̄παν·]Ἐπ[ι.....τοῦ δεῖνος, ὁ δεῖ-]
 [να τοῦ δεῖνος,]Καλλίστ[ρατος τοῦ δεῖνος καὶ ὁ]
 [ἐπὶ τὰς διοικήσεως] [ὁ δεῖνα τοῦ δεῖνος κτλ.]

Нам представляется, что последнее восстановление лучше согласуется с содержанием прескрипта эллинистических декретов Херсонеса, со всеми видными на камне остатками букв, лучше заполняет лакуны в каждой из строк и объясняет увеличение шрифта в стк. 3, чем варианты, разобранные выше. При этом, разумеется, наша реконструкция остается пока только гипотезой, ибо она вынуждена апеллировать к пресловутой «ошибке резчика».

¹⁴ Cf. IOSPE, I², 351.

¹⁵ Cf. Pippidi D. M. Dacia, NS, I, 1957, p. 165—167, № 1.

¹⁶ Как в близком по времени декрете IOSPE, I², 691.

¹⁷ IGBR, I², 38; НО 28.

¹⁸ Принимаем перевод титула ὁ ἐπὶ τὰς διοικήσεως, предложенный В. В. Латышевым.

Несмотря на это, она уже сейчас позволяет нам сделать некоторые наблюдения исторического порядка. Имя *Καλλίστρατος* не принадлежит к числу распространенных в херсонесской ономастике. Нам известны только три херсонесита, носивших это имя:

1. Астином Καλλίστρατ, сын Καλλίστρατα, клейма которого датированы В. В. Борисовой II — началом I в. до н. э.¹⁹

2. Его отец Καλλίστρατ, время жизни которого, исходя из того, что его сын занимал где-то на рубеже II—I вв. до н. э. должность астинома, можно определить второй половиной II в. до н. э.

3. Продик Καλλίστρατ, сын Νανόνα, встречающийся нам в декрете, датированном В. В. Латышевым²⁰ и Э. И. Соломоник²¹ 20-ми годами II в. н. э.

Теперь этот список должен быть дополнен еще одним лицом:

4. Καλλίστρατ, νομοφίλακ, третья четверть I в. до н. э. Значительный хронологический разрыв, существующий между временем деятельности первого, четвертого и третьего Καλλίστρατων, не позволяет определить, принадлежали ли они к одной семье, в которой одно и то же имя повторялось из поколения в поколение. Если это и не так, то имеющиеся данные тем не менее позволяют сделать заключение, что имя Καλλίστρατ относится к числу аристократических херсонесских имен, ибо известно по крайней мере три его носителя, в разное время занимавших различные государственные должности, в двух последних случаях (3 и 4) — даже весьма высокие.

Мы знаем только двух херсонеситов, имена которых начинались на Ἐπι-. В обоих случаях это отчества:

1. Τελαμών, сын Επιφάνη. Надгробие III в. до н. э. Время жизни самого Επιφάνη может быть определено как рубеж IV—III вв. до н. э. (IOSPE, I², 495).

2. Πάρτενα, жена Επικράτη. Надгробие IV в. до н. э. (IOSPE, I², 520). Четвертым же веком должно определяться и время жизни мужа усопшей. К ним может быть присоединен еще один гражданин Херсонеса, живший и отправлявший должность νομοφίλακα в третьей четверти I в. до н. э. Имя его, к сожалению, не может быть восстановлено полностью, ибо имен, начинающихся на Ἐπι-, в греческом языке достаточно много, и определить, какое именно из них стояло в нашей надписи, никак невозможно.

Публикуемая надпись, таким образом, не только пополняет наши знания в области херсонесской ономастики, но и сообщает некоторые сведения о правящей верхушке города, подтверждая еще раз то, что у этой социальной группы граждан был свой сложившийся ономастический фонд, к которому, по-видимому, теперь можно причислить и имя Καλλίστρατ. Это же наблюдение представляет известный интерес и в более широком плане для культурной истории города.

Заслуживает внимания и эпоха создания нашего декрета. У нас нет здесь возможности углубляться в историю Херсонеса второй половины I в. до н. э.²², да и публикуемый фрагмент дает мало оснований для этого. Все же некоторые выводы могут быть сделаны. До самого последнего времени были известны только два декрета, датированные второй половиной I в. до н. э., — уже неоднократно упоминавшиеся IOSPE, I², 691 (около

¹⁹ Борисова В. В. Керамические клейма Херсонеса и классификация херсонесских амфор. — НЭ, XI, 1974, с. 116 сл.

²⁰ Латышев В. В. Эпиграфические новости из Южной России. — ИАК, вып. 65, 1918, с. 9, где он датирует надпись 120—140 гг. н. э.

²¹ Э. М. Соломоник уточнила дату, предложенную В. В. Латышевым, — см. НЭПХ, 1973, № 111, с. 17.

²² Исследование которой имеет свою обширную библиографию; см. соответствующие разделы в книге: Голубцова Е. С. Северное Причерноморье и Рим на рубеже нашей эры. М., 1951; новейшую литературу см. Кадеев В. И. Херсонес, Боспор и Рим. — ВДИ, 1979, № 2, с. 55 слл.

45 г. до н. э.) и IOSPE, I², 354 (17—16 гг. до н. э.). Возможно, рубежом двух последних четвертей этого столетия следует датировать еще один памятник — IOSPE, I², 355²³. К этому же времени (около 46 г. до н. э.) надо во всяком случае отнести объединенную с новым фрагментом 1978 г. Ю. Г. Виноградовым надпись IOSPE, I², 347. Присоединение к их числу теперь еще и нашего, пусть и весьма фрагментированного документа само по себе трудно переоценить. Небезынтересно также, что три из известных нам херсонесских декретов этого времени — IOSPE, I², 691 и 347 (может быть, также IOSPE, I², 355) и наш — были приняты на протяжении чуть более 20 лет, когда Херсонес упорно домогался получения элевтерии из рук Рима. Два из них — IOSPE, I², 691 и 355 — имеют прямое отношение к этим действиям. Вероятно, и наш декрет был связан с теми же событиями. В этой связи, возможно, не случайно, что, несмотря на давно и интенсивно ведущиеся раскопки, в Херсонесе до сих пор не найдено декретов, которые можно было бы уверенно датировать первой половиной I в. до н. э.²⁴ Во всяком случае, издание трех декретов в третьей четверти I в. до н. э. в сопоставлении с их полным пока отсутствием в первой половине этого столетия свидетельствует об активизации полисной жизни Херсонеса в этот период и известной его самостоятельности, которой он в эти годы пользовался, по сравнению с тем положением, которое он занимал, будучи в зависимости от Боспора. Быть может, последнее наблюдение в какой-то мере объясняет и тот факт, что нам и на Боспоре неизвестны пока декреты, которые можно было бы датировать позднее конца IV — рубежа IV—III вв. до н. э.²⁵, времени, когда окончательно сформировалось Боспорское царство.

A NEW DECREE FROM CHERSONESUS

F. V. Shelov-Kovedyayev

The author publishes a newly recovered fragment of a decree dated at the end of the third quarter of the 1st century B. C. It is at least the third document of its kind and date to be found, which testifies to the intensification of polis life in Chersonesus at this time.

---

²³ *Кадева*. Ук. соч., с. 57.

²⁴ Известен фрагмент заключительной части декрета, датированный II—I вв. до н. э., он издан Э. И. Соломоник (НЭПХ, 1964, № 2, с. 16—19).

²⁵ Имеется в виду передатировка Ю. Г. Виноградовым первой четвертью III в. до н. э. известного, изданного А. И. Болтуновой и в Addenda к КВН (№ 4) горгишского декрета. — См. *Виноградов Ю. Г.* Проблема политического статуса полисов в составе Боспорской державы IV в. до н. э. — В кн.: Основные проблемы развития рабовладельческой формации. Типология рабовладельческих обществ. Тезисы конференции. М., 1978, с. 22—26.